

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www.uralstalker.com

март 2014

Аэлита

50

Законы Вселенной

АНДРЕЙ БОЧАРОВ

СВЕТЛАНА КОЛЕСНИК

Уходящие за линию горизонта

50

67

Координаты чудес

ИРИНА КОПАЕНКО

Двойники

67

80

Повод для улыбки

МИХАИЛ БОЧКАРЕВ

Карнавал

80

Уходящие за линию горизонта

Андрей Бочаров

Родился 5 августа 1953 года в г. Москве. Высшее физико-техническое образование. Кандидат технических наук. Много лет проработал в Институте космических исследований АН СССР, затем ушел в сферу IT. Научные интересы — распространение волн в случайно-неоднородных средах, методы обработки сигналов и изображений. Более-менее регулярно стал писать фантастические рассказы только с 2010 года, но уже успел стать победителем и призером ряда известных конкурсов научно-фантастического рассказа. Почти все написанные рассказы уже опубликованы в НФ журналах или сборниках фантастики.

Светлана Колесник

Родилась и проживает в Одессе. Закончила в 2003 году Одесский национальный политехнический университет, специальность — программист. Замужем за одесситом, есть дочь-школьница. Попытки литературного творчества проявлялись в юном возрасте, но писать всерьез и фантастику начала в 2009 году. Первый рассказ Светланы сразу же занял второе место на одном из сетевых конкурсов, что вдохновило на продолжение творческой деятельности. Ныне уже есть победы на самых серьезных конкурсах и публикации в сборниках.

— Мне нужно пять человек. Будут две тройки — основная и резервная. Вылет через час. Никого из молодых и семейных, понял? Только те, кому терять особо нечего. Как и мне. И предупреди каждого — это дохлый номер. Чтобы никаких иллюзий вообще. Прыгаем из реактивника, с нескольких километров... и в полную задницу. Если первая тройка — всмятку, пойдет вторая. Сам поведу первую, это не обсуждается. Да в полном порядке, давно уже все срослось. Вчера гипсы сняли. Какие парашюты? Там же гребаный ураган. Готовь турборанцы. И можно сразу некрологи для прессы. Да шучу я так, шучу. Все, нет времени, выезжаю...

Когда мчалась к аэродрому, нарушила все существующие правила дорожного движения. И еще не существующие тоже. Пусть совсем впритык, но успела. Прижалась лицом к ограде, чтобы лучше рассмотреть.

Пятеро мужчин, увешанные рюкзаками со снаряжением, идут по летному полю к реактивнику Альтернативной Службы Спасения. Настоящие Ассы, как их принято называть. Шутки, смех, улыбки на лицах. Словно собрались дружной компанией гульнуть хорошенько. Позади, налегке, стараясь не отставать, сильно прихрамывая, ковыляет еще один. Кто-то из друзей оборачивается, машет рукой — мол, поторопись, а то без тебя улетим. Тот виновато пожимает плечами: «Ребята, ну сами видите, не могу быстрее».

Реактивник взлетает без разбега. Провожая взглядом, пока он не превращается в точку, исчезающую за линией горизонта. Слышу сигнал ю-фона, достаю его из сумочки. На экране появляется знакомый облик. Длинные пепельно-белые волосы, серо-голубые глаза, четкая линия чуть приподнятых бровей, прямой нос, плотно сжа-

тые губы с вытянутыми вверх уголками. Привычно дружелюбное лицо Энжи. Лицо Анны Смоль. Мое лицо!

— Код один, — говорит она, — вы опаздываете на важную встречу.

— Да заткнись, дура, — отвечаю ей. Или самой себе?

Это — сенсация! Новая книга малоизвестной писательницы Анны Смоль «Уходящие за линию горизонта» третью неделю подряд уверенно занимает первую позицию во всех рейтингах продаж.

— Анна, осторожней!

Со мной такое случается не впервые. Думаю, невидимая рука ангела-хранителя слегка придерживает за локоток. Или, как говорила бабушка, «подносит зад на поворотах» — грубовато, но недалеко от истины. В этот раз рука оказалась вполне реальной. Высокий мужчина со светлорусыми волосами. Загорелая до темно-бронзового оттенка кожа, отчего зеленые глаза особо выделялись. Он подхватил на лету и аккуратно поставил на блюдце чашку, которую чуть не упустила мимо стола.

— О чем вы так задумались? — продолжил неожиданный помощник, не дав мне возможности осведомиться: откуда ему известно мое имя.

— Надо же, какое совпадение. Буквально пять минут назад закончил читать ваших «Рыцарей треугольного стола, или поймать за хвост Рапунцель». Перевернул последнюю страницу, посмотрел фото на обложке и глазам не поверил. Сидящая за соседним столиком красивая девушка — и есть сама Анна Смоль. Так что чудеса не только в ваших книжках случаются.

— И как вам это «школьно-мыльное» чтиво? — ехидно поинтересовалась у него.

— А почему «школьно-мыльное»? — удивленно спросил он, без разрешения присаживаясь за столик.

— Не обращайтесь внимания, так говорят... некоторые критики, — ответила ему, слегка покраснев.

— Хм, не знаю, кто такие ярлыки клеит, но книжки у вас забавные получаются. Завистливые и злобные критики, да?

Я отрицательно качнула головой, все-таки свое творчество оцениваю вполне адекватно. Безделушки и погрешности.

— Можете уверенно посылать нехороших критиков на... надолго и очень далеко, — мужчина протянул руку и слегка наклонившись, представился: — Олег.

— Анна, — не сразу ответила я и улыбнулась.

— Ну, ваше имя для меня не секрет... очень приятно.

С моим писательством-графоманством все случайно закрутилось. Отшутилась в Сети комментарием, что было бы с принцем, окажись «спящая красавица» — зомби. Веселое обсуждение длилось долго, а из моих реплик можно было, как мозаику, рассказ сложить. Что как-то вечером и проделала, а на следующий день выложила на общее обозрение. Всем понравилось. Дальше по той же схеме. Юмористическое фэнтези — это ведь не литература, а так — литературка. Хотя и представить не могла, что стану заметной личностью в этом жанре. На то, что успех был куплен за звонкую монету, с легкостью закрывала глаза. Мнение мужа по этому вопросу весьма простое: чем бы леди ни тешилась, лишь бы с ней не стыдно в свет выйти было. Его идеал — топ-модель, сошедшая с обложки глянцевого журнала, желательна — натуральная блондинка. А рот в обществе она может вообще

не открывать. Так даже лучше — чтобы не сморозила ненароком какую-нибудь глупость. Алекс Вейбер, мой муж, — американец с немецкими корнями. Деловой и напористый. Правильный и целеустремленный. Аккуратный и педантичный. Истинный ариец... шучу. А еще по гороскопу он — лев. Поэтому во всем и всегда прав.

Нравится твоей женщине побасенки придумывать; в фантазиях она вся такая, эфемерно-воздушная — ну и пусть. Можно пакет акций какого-нибудь небольшого издательства купить, на всякий случай. Вдруг у нее действительно писательство пойдет? Загадочная славянская душа и все такое. А там, глядишь, и получится выйти на коммерческую самоокупаемость проекта «писательница Анна Смоль»?

Это я пытаюсь передать стиль мышления Алекса. Думаю, за семь лет брака вполне ход его мыслей знаю. Ловлю вербальные сигналы на лету и даже раньше. Так что тут — не хуже его драгоценной Энжи прогнозы выдавать могу.

Новости канала BBC Science.

— Сегодня в Кранцберри Холл (Вена, Австрия) Корпорация Мирового Добра, или сокращенно — КМД, представит новую разработку Центра Предиктов. Как обычно, все держится в строгом секрете. Известно лишь, что будет небольшой доклад Алекса Вейбера, руководителя Центра Предиктов, предвещающий главное событие презентации. По информации от наших источников, публике будет представлена новая версия Энжи, заметно отличающаяся от предыдущей.

Лишний раз напомним, что Энжи — наш личный секретарь и советчик, без которого в повседневной жизни и шагу ступить нельзя. Предварительно Алекс Вейбер намекнул, что от новой Энжи все пользователи будут в восторге! Так что можно не проверять

прогноз на вечер — там будет лишь одно значимое событие. Код один — трансляция из Кранцберри Холл. Не пропустите!

Самодовольный взгляд; гордо поднятый, гладко выбритый подбородок; блестящие лацканы фрака — во всем облике Алекса сквозила высшая степень превосходства над окружающими. И все бы ничего, не будь он моим мужем! Ведь я знала и другого Алекса — в тапочках, поношенных шортах и с голым пузом. Бесцеремонного и хамоватого. Дома его самолюбование и эгоизм не сдерживали никакие узы этикета. В быту он кардинально отличался от элегантного мужчины, которого встретила однажды в кафе Петит Бонэрти в Париже.

— Сама Энжи свела нас, — любимая фраза Алекса на официальных приемах, где нам часто приходится бывать. Первое время улыбки под вспышками камер, шикарные наряды и шампанское в высоких хрустальных бокалах меня вдохновляли. Жизнь напоминала старую сказку о перемазанной в золе девочке, которой прекрасный принц надел туфельку, так удачно подошедшую по размеру. Только быстро поняла — туфелька мне жмет. Так бывает. Покупаешь вроде подходящую модель, а в ежедневной носке — просто мука.

— Я неделю веду деловые переговоры с партнерами из Граббл Индастриз, уже договор на поставку оборудования согласован в деталях, как вдруг — Энжи! «Код один» — срочная встреча. Билеты на самолет в Париж заказаны, такси прибудет к офису через пять минут. Как любой добропорядочный пользователь Центра Предиктов, — легкая улыбочка на сияющем лице Алекса, — всегда следую советам Энжи. Приземляюсь в Париже — на экране ю-фона все тот же «Код

один». Будто ничего более важного сейчас не существует! — тут он нежно целует меня чуть ниже виска. Легкое бесчувственное касание губ. Этот спектакль я знаю наизусть, прекрасно выучила свою роль с минимальным количеством слов. Если бы вручали киноприз за притворство — была бы звездой вечера.

— Подхожу к заказанному столику, а там девушка сидит и книжку читает. Короткая стрижка, очки, беретик набок. Скромная, милая, изящная. Присел рядом. А девушка меня даже не замечает — с головой ушла в чтение. Забыла и про чай и про круассан с клубничным джемом.

— Да, твоего появления и не заметила, так была увлечена книгой, — подхватываю тему. Моя партия весьма проста и прямолинейна — восхищаться неожиданной встречей с мужчиной всей моей жизни. — Как сейчас помню, это был Августино Хельо «Ненависть и вера».

— О, да. Ты была так увлечена, что чуть было не положила круассан мимо стола. Я подхватил его, мы измазались в джеме... так мило, — Алекс улыбается. На миг кажется, что в его прищуре есть отблеск искренности. Но нет, просто хорошо отрепетированный спектакль о «всемогуществе Энжи, заменившей стрелы Купидона». — А потом все как-то само завертелось, закружилось... Со всей уверенностью могу заявить, я — самый счастливый мужчина на свете, и все благодаря Энжи.

Ха! Вот тут я имитирую счастье: конечно, благодаря Энжи!

Еще в медовый месяц Алекс объяснял принципы работы Центра Предиктов. Или, правильнее сказать, хвастался своими достижениями? Экскурсию по дата-центрам обещал устроить, но что-то не сложилось. Да и я, признаться, не стремилась

попасть в мир нолей и единичек, проводов, мигающих светодиодов и холодных коробок серверов. Техника никогда не была в сфере моих интересов. Пользоваться ей — тут никаких проблем, но знать из чего «начинка»? Вот уж увольте. Впрочем, в тот вечер попробовала что-то уяснить для себя. Полный прогноз для пользователей, включенных в глобальную систему предикции, — у кого есть ю-фон с установленной Энжи в режиме онлайн — постоянно пересчитывается и уточняется. Информация о каждом сделанном или запланированном шаге поступает в Центр непрерывным потоком тех самых ноликов и единичек, и программа сама определяет, чей предикт нужно пересчитывать.

— Анна, любовь моя, а известно тебе, что в Солнечной системе существуют четыре планеты Земля? — спрашивает Алекс, закидывая ногу на ногу и устраиваясь поудобнее в громадном кожаном кресле. Загородный дом, где-то в Альпах. За окном нетронутое снежное покрывало, в камине деликатно потрескивает огонь, два бокала шампанского на столике. Идеальная романтика... Просто мечта.

— Да что ты? — хлопаю ресницами, преданно заглядывая в его темные янтарные глаза. Я не изображаю удивление. Действительно влюблена, восхищена, покорена — всемогущим гением столетия, которого имею право называть «любимый муж». Потом, со временем, поняла, он — всего лишь менеджер, управленец с полузабытым техническим образованием. А гениальные теоретические открытия и их практическая реализация — сделано другими людьми. К ним Алекс, кстати, относится слегка презрительно: «Если эти яйцеголовые такие умные, то почему не такие богатые?».

Алекс продолжает, а мне кажется, что слушаю сказку:

— В некотором царстве, в некотором государстве — в дата-центре, расположенном в «суперсекретном» месте далеко в Антарктиде. Жили-были три могучих богатыря — три суперкомпьютера на квантовых процессорах. Для простоты понимания назовем их — «Земля-1», «Земля-2» и «Земля-3».

Я представила бело-голубой шарик планеты — такой одинокий и беззащитный в черном мраке космоса. Но тут появляются его проекции в недалекое будущее, три слегка отдаленные тени, одна прозрачнее другой. И возникает ощущение, что будущее предопределено и предсказуемо. Вот оно, вполне реально и осязаемо на «Земле-1». Завтра наступит, и что конкретно тебя ожидает, подскажет верная Энжи. Рассчитанная умной машиной жизнь на несколько шагов вперед. Как раньше люди жили без предиктов?

Итак, «Земля-1» ведет просчет на ближайшие сутки, «Земля-2» — на следующие сутки, а «Земля-3» — еще на двадцать четыре часа вперед. Чем долгосрочнее предикт, тем меньше его вероятность. Линия горизонта. Так мы привыкли называть граничную зону достоверного прогноза. «Мы» — это нормальные люди. А не аутлайнеры, которые сами отказались от советов доброй феи Энжи. Для них линия горизонта — прямо перед глазами...

Напоминаем, что мы ведем прямую трансляцию из Крайцберри Холл (Вена, Австрия), где Корпорация Мирового Добра представляет новейшую разработку Центра Предиктов...

— Анна, прошу на сцену, — голос доносится словно издалека. Несколько раз моргаю, прогоняя наваждение, из пестрой картины появляются отдельные образы. Мужчины и женщины — смо-

трят на меня. Опять какой-то официальный прием, не соврать, где-то тридцатый по счету за год. На сцену? Зачем? Такое — впервые. За невысокой голографической тумбой вижу Алекса. Он ласково, снисходительно улыбается, протягивая руку. Придерживая подол платья, поднимаюсь на сцену. На презентационной панели мерцает одна единственная кнопка — «обновление ОС 15,05. Подтвердите да/нет?».

Алекс кивает — мол, жми! И я нажимаю, не предполагая, что своей рукой резко меняю жизнь.

На огромном экране возникает новое лицо Энжи. Но ведь это... Мое лицо!!!

— А почему Энжи никогда не дает пояснений к советам? — спросила как-то Алекса.

— Ты меня просто удивляешь своей наивностью, — улыбнулся он и ласково погладил по голове, как маленького ребенка. — Это как спросить у девушки-диктора, читающей в новостном канале прогноз погоды: а почему завтра в Колорадо кратковременный дождь? Она-то откуда это может знать? Ей дали текст с прогнозом — она его озвучивает. И больше скажу — никто не знает, почему такой прогноз.

— Как это? — удивилась я.

— А вот так. Есть уникальный суперкомпьютер в Центральном Бюро прогнозов погоды. Хотя его вычислительная мощность, разумеется, не сопоставима с производительностью распределенной системы из множества квантовых процессоров в Центре Предиктов, — тут Алекс самодовольно усмехнулся. — В этот компьютер поступают данные с десятков тысяч метеостанций, разбросанных по миру, с метеорологических спутников, и еще много всякой информации.

— Вот у русских... — слово «русские» в устах Алекса всегда звучит слегка ехидно. Его любимая присказка: «Хорошо, что ты у меня только наполовину русская, но наполовину — нормальная», — ... так вот у русских до сих пор есть идиотская манера на праздники вываливать в атмосферу кучу реагентов, чтобы над Москвой полдня небо было ясное. А потом в целом регионе то дожди могут на неделю зарядить, то, наоборот, месяц — сушь страшная. Так что и такие национальные особенности надо учитывать при составлении всего лишь прогноза погоды. Суперкомпьютер в Центральном Бюро прогнозов погоды обрабатывает огромный объем поступающих данных. И чтобы понять — почему он выдает такой прогноз — надо все это самому заново в голове пересчитать. Только сначала в эту голову надо такой же суперкомпьютер поместить.

— И не надо одушевлять Энжи. Она всего-навсего интерфейс Центра Предиктов. Полностью ее имя — Predict Notification Engine.

— Думаешь, хоть когда-нибудь твои «мыльные» романы принесли бы тебе такую славу, которой поделилась Энжи? Как ты можешь быть недовольна моим подарком, Анна? Не понимаю тебя! — голос Алекса все еще не отпускает, слова терновыми шипами вонзаются в виски...

Вы готовы изо дня в день слышать миллионы слов благодарности и столько же проклятий? Скрывать настроение на электронном бездушном помощнике — норма. Все стерпит техника, что с нее взять?

— Теперь у вашего личного помощника появилось восхитительно красивое 3D-лицо, — Алекс нес эту чушь со сцены, а я, еле сдерживая слезы, силилась сохранять улыбку. Улыбаться радост-

но и естественно. Так, как это умеет делать мой цифровой клон на миллиардах ю-фонов по всему миру. Если абстрагироваться, разделить два понятия — внешность некой Анны Смоль и визуальная оболочка программы Центра Предиктов — то все выглядит вполне нормально. Но если представить, что, каждый раз получая не совсем приятный совет от Энжи, пользователи матерятся, посылают ее к черту, проклинаят... становится не по себе.

Уже пять минут жду его на улице, как маленькая влюбленная девочка. Олег, как всегда, возникает из ниоткуда, стремительно и неожиданно.

— Привет, моя Анн-жи, — веселый, задорный голос Олега. Похоже, он доволен шуткой. Исподлобья смотрю, не отвечая на приветствие.

— Хватит кукситься. У Энжи — твоя внешность. Это же так здорово. Когда у тебя под рукой нет зеркальца, всегда можно посмотреться в экран ю-фона.

Невольно улыбаюсь. Сердиться на Олега просто невозможно...

Он крепко обнимает, и я чувствую облегчение. Рядом с Олегом всегда так. Спокойно.

— Позволь показать кое-что? — не дожидаясь согласия, он буквально тащит меня в припаркованный у обочины двухместный флаер. Открывает дверь, помогает подняться, проверяет — хорошо ли застегнуты ремни безопасности. Перед тем, как надеть на голову шлем, крепко целует, а затем прыгает на водительское место, и мы на скорости уносимся из города. Куда? Не знаю. Мне и разницы особой нет — куда. Лишь бы с ним!

Ошеломляющий успех романа Анны Смоль «Уходящие за линию горизонта» и шумиха в прессе, поднятая вокруг этого феномена, вызвали целую волну жарких споров в литературной среде.

Чем можно объяснить этот успех? Талантом и мастерством автора? Или тем, что книга затронула тему, на которую ранее было наложено негласное табу? Сделать героями произведения аутлайнеров — ход крайне рискованный, но, как видим, увенчавшийся небывалым успехом. «Уходящие за линию горизонта» — бестселлер и, безусловно, литературное событие года.

Но тут возникает другой вопрос. Целый ряд авторитетных специалистов вполне аргументированно утверждают, что весьма посредственный автор, писавший до того незатейливые безделушки в стиле юмористической фэнтези, вряд ли способен написать такую книгу. Так ли это или нет?

Анна Смоль — по-настоящему одаренный писатель или всего лишь литературный проект, куда пригласили несколько мастеровитых авторов?

— Ты хоть отдаешь себе отчет, с кем связалась?

Отчего-то не удивлена, что Алекс все знает. Тогда зачем тянул с разговором? Почему смотрел сквозь пальцы на измену? Ожидал благоприятного предикта и поэтому ничего не делал?

— Пойми, твой Олег и ему подобные — лишь расходный материал. Величина второго порядка малости в основных стохастических уравнениях для расчета предиктов, — Алекс уже переходит на крик, брызжа слюной.

— Аутлайнеры со своей АСС не более чем пренебрежимо малая величина, не играющая никакой роли для стационарных случаев. Но в сингулярных точках именно ее учет позволяет получить невырожденное решение для многомерной системы предиктовых уравнений.

Ничего толком не понимаю в его словах. Но он себя не контролирует и поэтому выдает явно «закрытую» информацию. Слегка успокаивается

и продолжает говорить пусть менторским тоном, зато более понятным языком.

— Ты не задумывалась, откуда у аутлайнеров аэродромы, гиперзвуковые реактивники, сверхскоростные спасательные катера?

— Ну, так у них же есть спонсоры... всякие там благотворительные пожертвования...

— Есть, но это капля в море. Знаешь, кто у них главный спонсор, обеспечивающий львиную долю бюджета? Поди и не догадываешься. А ведь это — Корпорация Мирового Добра, которую они за исчадь зла держат.

— Не может быть?! Зачем КМД спонсировать тех, кто принципиально не хочет быть под ее надзором?

— Потому что они позволяют обеспечивать высокую точность прогнозирования в так называемых сингулярных точках. Изредка все же случаются какие-то события, вероятность которых даже не рассматривалась. Стихийные бедствия, катастрофы, несчастные случаи... В тестовых версиях программы это приводило к так называемому «предиктовому сумасшествию». Выдавались противоречащие друг другу прогнозы, система зависала. Приходилось проводить полную перезагрузку, чтобы эти события воспринимались как заданные начальные условия. Процесс занимал несколько часов, и работа тогда еще экспериментального Центра Предиктов просто замирала.

Но тут наши «яйцеголовые» предложили неожиданный ход. Представь, нужно добавить в систему предиктовых уравнений еще одну случайную величину. Все! Устойчивость в сингулярных точках достигнута! Этим дополнительным параметром и являются аутлайнеры со своей АСС. Когда случается непредвиденная чрезвычай-

ная ситуация, штатные спасательные службы работать не могут. Система выдает «Код три» — нет статистически достоверного предикта, вероятность неблагоприятного исхода операции высока. А эти безбашенные идиоты из АСС туда попрутся. И будут что-то пытаться сделать. Сколько их там погибнет — совершенно не важно. На аутлайнеров система федерального страхования не распространяется. Но их действия в любом случае направлены на уменьшение неблагоприятного эффекта при непредвиденной катастрофической ситуации. А это, пусть и незначительно, уменьшает локальную энтропию. И в результате процесс решения системы предиктовых уравнений остается сходящимся, а не расходится...

Алекс еще долго говорил, а меня будто оглушило. Такие люди, как Олег, летят в неизвестность, пытаются спасти кого-то... постоянно рискуют своей жизнью... и лишь для того, чтобы дурацкая программа меньше глючила? Какая разница — что с ними случится. Лишь бы Энжи на экран ю-фона не тормозила со своими советами.

О чем говорить? Я — не с ним, он — не со мной. Не чужие, но бесконечно далекие друг от друга. Два разных человека, судьбы которых на какое-то время были сплетены. Или не судьбы, а просто — предикты?

— Анна, я так рад, что у нас единая цель — совместное счастливое будущее. Пусть невозможно построить точный предикт на годы вперед, но, уверен, у нас все получится. Сегодня я хочу просить тебя — стань моей женой.

Так Алекс семь лет назад делал предложение. Четко выверенные слова, ни капли любви, ни щепотки терпкой страсти. До сих пор удивляюсь, как повелась на такое обращение. Видимо, под впечат-

лением от всемогущества системы предиктов. Уверенность, что будущее predetermined — снимает любую ответственность выбора.

— Я уже дома, — голос Алекса прервал размышления.

Мы даже не целуемся при встрече. К чему это? Если только сейчас — последний поцелуй на прощание? Прохожу мимо, плечо больно оттягивает тяжелая сумка. Собрала в нее только самое необходимое. Алекс протягивает руку, предлагает помощь. Я вежливо отстраняюсь и вкладываю в его ладонь небольшой конверт. Там письмо, написала от руки. И обручальное кольцо. На мгновение Алекс хмурит брови, разрывает конверт, пробегает взглядом по буквам. Меняется в лице.

— Ты с ума сошла?!

Комкает конверт, бросает его; звякает ударившееся об пол кольцо.

— Анна, как ты можешь принимать такие решения за нас обоих? Попробуй просчитать, что тебя ждет... с этим?! — он презрительно кивает головой в сторону, будто у меня за спиной стоит Олег. — Ты забыла, что такое страх, неуверенность, волнения? Адреналина захотелось? Можно съездить на американских горках покататься или устроить погружение в клетку к акулам? Хочешь? Можно устроить любой прогнозируемый экстрим.

— Если известен финал — это не экстрим. Путь из заданной точки А в точку Б, с возможными отклонениями в рамках допустимой погрешности предикта, — вот, уже научилась говорить на его языке.

— Жизнь и есть путь от рождения к известному финалу. Зачем усложнять? Почему тебя так тянет в опасные глупости?!

— Я просто люблю его, прости.

Алекс хватается за плечо, больно сжимает, словно надеется удержать силой. Пристальный взгляд иногда лучше любых слов. Он резко ослабляет хватку.

— Ты допускаешь серьезную ошибку, Анна. У вас нет счастливого будущего. Вечный страх перед завтрашним днем. Все, что ты получишь — седеющие волосы и разбитое сердце.

Волосы — закрушу. Зато каждый раз при встрече с Олегом замирает сердце. Значит, оно есть — и живое.

— Хочешь, слетаем сегодня в прошлое? — предложил Олег за утренним кофе. Впрочем, слово «утро» к полудню применимо весьма условно, мы только недавно проснулись. Расположились на веранде его дома. Мягкий матрац шезлонга, Олег в шутку называет его двухместным. С трудом, но помещаемся, лишь бы рядом. Шум прибора и тихий шорох песка.

— ...в мое далекое прошлое, в старый родительский дом на краю леса, — продолжил Олег, слегка приобняв меня. — Только возьми теплые вещи, будет морозно, — бросив взгляд на полотенце, которое едва прикрывает мне грудь, уточняет он. За последние пять лет, что провела во Флориде, совсем забыла — каков на ощупь «мороз».

— Мне разрешили взять на денек реактивник в АСС. Вертикальный взлет и посадка — аэродром не нужен. На любую ровную площадку можно сесть. А крейсерская скорость — два с половиной маха.

— Чьего маха? — удивленно спросила. — Какого маха? Совсем тебя не поняла.

— Извини, забыл, что ты — фантазерка, а не физик, — улыбнулся Олег, — две с половиной скорости звука. Три часа — и мы на месте. В Рос-

сии. Помнишь еще такую страну на карте? Когда-то одну шестую часть суши, откуда родом твои родители? Ну и я сам...

И потом этот день преподносил мне одну неожиданность за другой. словно фокусник с волшебной шляпой в руке, из которой можно вытаскивать десяток-другой кроликов, а затем еще и стаю голубей выпустить.

Первый сюрприз случился, когда велела Энжи включить поездку в расписание-предикт. Она задумалась... если это можно так назвать. Проще говоря, зависла. Обычно ответ получаешь мгновенно; или просто — «ваше пожелание учтено»; или какие-то дополнительные комментарии. А тут пауза, затянувшаяся на несколько минут. Я уже и одеться успела, и вещи в дорожную сумку покидать. Затем Энжи произнесла фразу, которую никогда раньше от нее не слышала: «Ваш запрос принят. Ждите предикта...».

Я положила ю-фон на стол и начала прихорашиваться перед зеркалом, а Энжи все повторяла и повторяла: «Ждите предикта. Ждите предикта...».

Надоедливый голосок у нее. Или у меня? Разозлившись, я нажала на кнопку «Отмена». Когда уже из дома выходили, услышала мелодичную трель нового сообщения из Центра Предиктов. Сразу включила ю-фон. Энжи, как мне показалось, озадаченным голосом произнесла: «Поездка включена в Ваше расписание. Статистически достоверный предикт не может быть сформирован из-за недостатка исходной информации».

Олег ехидно усмехнулся, услышав это, а у меня чуть было ноги не подкосились от удивления. Чтобы Энжи чего-то не знала?! И в голову не могло придти. И тут сообразила — а ведь как рассчи-

тывать прогноз, если в нем присутствует такой непредсказуемый элемент, как Олег?

Тогда впервые почувствовала себя неудобно от мысли, которая потом еще не раз меня посещала. Из-за Олега моя линия горизонта, за которой наступает неизвестность, стремительно приблизилась, вплоть до считанных часов. Что выбрать? Коктейль из любви и полной непредсказуемости? Или все-таки — спокойное течение жизни?

Как-то давно спросила Алекса: какова примерная точность предикта? Хотя бы на сутки вперед.

Он очень странно на меня посмотрел. Даже слегка растерялся и задумался. Видно было — такого вопроса совершенно не ожидал.

— Понимаешь, на самом деле очень сложно оценить точность предикта. Невообразимо много случайных факторов. Ну, во-первых, в Центр Предиктов стекается огромное количество информации. Но ведь не бесконечно большое, не всеобъемлющее. Это фундаментальное ограничение: «Нельзя учесть все!». Во-вторых, в Центре установлены не имеющие аналогов квантовые суперкомпьютеры. Их мощность нельзя даже представить себе. Но тут есть тонкий момент. Квантовые процессоры кардинально отличаются от обычных кремниевых чипов, на которых построены все остальные устройства.

Как тебе проще объяснить? Квантовая система всегда выдает результат, лишь с некоторой вероятностью являющийся правильным. В принципе, за счет циклического повторения операций в алгоритме можно сколь угодно приблизить вероятность получения правильного решения к единице. Но тут, как всегда, приходится искать компромисс между точностью результата и временем, затраченным на его получение.

— И наконец... — продолжил Алекс, — а как вообще можно абсолютно точно оценить достоверность предикта, который озвучивает Энжи? Скажем, она рекомендует сменить твой ю-фон на новую модель. Ты следуешь совету. А что бы произошло, проигнорируй ты это сообщение? Ответа нет, потому что конкретное событие свершилось. И другой альтернативы быть не может. Поэтому иногда предикт выдается не на основе наиболее вероятного события, а на основе более экономически эффективного...

Тут Алекс постарался перевести разговор на другую тему:

— Ну что мы с тобой о таких скучных вещах говорим. А не сорваться ли нам прямо сейчас в хороший ресторанчик? Вряд ли наши Энжи будут возражать...

Мало что поняла из этой лекции Алекса. Кроме одного. Что советы Энжи иной раз основаны на чисто экономических соображениях. Например, купить новую модель ю-фона, которые, как всем известно, производит именно КМД. Забавный поворот сюжета...

Но, когда мы сели в реактивник, все размышления разлетелись встревоженными птицами. В голове осталось место только для мысли — неужели так можно летать?

Олег посадил меня в кабине пилотов, рядом с собой. Вместо лобового стекла — огромный 3D-монитор, на котором отображалось несколько полупрозрачных слоев — картинки с видеорегистраторов, показания десятков приборов, какие-то разноцветные схемы. И все в движении, активно и переливчато. Кроме того, на полусферической панели управления, помимо основного штурвала-джойстика, было еще несколько десятков кно-

пок, переключателей, клавиш. На мой взгляд, чтобы справиться со всем этим хозяйством, надо быть многоглазым осьминогом и никак иначе!

В голову не пришло бы, что у суперсовременного реактивника есть ручное управление. Сейчас в любом авто — только одна кнопка «включить/выключить».

А дальше или встроенный компьютер управляет, или можно вставить ю-фон в специальный слот и давать Энжи общие указания, а с управлением она прекрасно справится сама. Как же иначе? Ручное управление... разве допустимо подвергать себя такой опасности?

— Можно надеть нейрошлем и давать мысленные команды, — с улыбкой сказал Олег, видя мою растерянность, — но, боюсь, рядом с тобой в моей голове будет слишком много посторонних мыслей... ничего общего не имеющих с управлением полетом, — тут мы рассмеялись. — А если серьезно, то нейромод автоматически подключает систему внутреннего контроля, не позволяющую выйти за штатные режимы. Не люблю чувствовать себя птицей в клетке. В ручном режиме из реактивника можно выжать все, на что он вообще способен... и даже сверх того, — добавил Олег. Я следила, как завороченная, за его пальцами, порхающими над панелью управления.

Перед самым стартом Олег сказал: «Закрой рот». Только захотела возмутиться, как он пояснил:

— Рот сейчас закрой, а то язык можно прикусить. Но зубы сильно не стискивай... а теперь — взлетаем!

И в глазах у меня надолго потемнело от перегрузки...

Вертикальный взлет гиперзвукового реактивника. Как описать словами? Невозможно это. Адрес-

налиновое наслаждение через боль! Такое запоминается на всю жизнь.

Когда реактивник набрал высоту и вышел на нужный курс, пришла в себя, на удивление, быстро. И мои страдания при взлете окупились сторицей. Ведь сколько раз в жизни сидела у иллюминатора пассажирского трансконтинентального аэроджета и пыталась представить, что видит пилот из своей кабины? Трудно понять, и еще сложнее поверить. Но люди действительно научились летать как птицы!

Вертикальная посадка реактивника в режиме ручного управления — еще более сильное впечатление, чем взлет. Когда взлетаешь — есть пусть слабая, но надежда на благополучный исход. Но вот когда приземляешься...

Олег потом признался, что отработывал новый вариант посадки — для экстремальных условий. Когда шквал или тайфун...

Свободное падение почти до самой земли, и резко — турбины на полную мощность метров за сто до поверхности. Безумно страшно. Думаю, что очнулась где-то минут через десять. И просто убила бы Олега, если бы могла рукой пошевелить. Но потом...

Олег на руках вынес меня из реактивника — и прямо в сказку. Зимний русский лес в солнечный день.

Перламутровый наст, бриллиантовые искорки льдинок на ветках высоченных елей. Вроде я неплохо справлялась с описанием сказочной природы в своих книжках, но оказалось, что вживую это может выглядеть невероятно красивее.

— Опустим сейчас же, — сказала Олегу.

— Ни за что! — улыбнулся он. — Никогда не был так счастлив. Хочется в этот миг остано-

вить время. Вот сейчас несу женщину, с которой мечтаю провести всю свою жизнь... к дому, где хотел бы эту жизнь вместе с ней прожить.

В этот момент я смотрела на него глазами влюбленной девчонки, но заметила, как по его лицу промелькнула тень горькой мысли. И тут же она кольнула меня в сердце: «Вряд ли эта жизнь будет такой уж долгой. Сколько нам отмеряно быть вместе? Годы? Месяцы? Дни? Или даже часы?».

...Она накинула прямо на голое тело старый полушубок, слегка тронутый молью, и вышла на заснеженное крыльцо. Ясный зимний день, солнце уже давно встало, и в его лучах снег на елках бриллиантово искрился.

Он, обнаженный по пояс, колот дрова неподалеку от крыльца. Несмотря на двадцатиградусный мороз, с него ручьями лил пот. При каждом ударе топора по очередному полену его мышцы вздувались и бугрились. Казалось, как античный герой, он весь состоит только из мускулов и сухожилий. А еще — из шрамов...

Я стояла на крыльце и смотрела, как Олег колет дрова. Одновременно пыталась подбирать слова, словно пишу рассказ или повесть. Получалось примитивно и банально, это я могла трезво оценить. Напридумывать каких-нибудь хитрых штучек вроде дизель-рыцарей с турбоприводом или молниеносной Феи Гроз — как нечего делать. А написать всего страничку кристально чистой прозы, не замутненной никакими искусственными консервантами и красителями, мне не по силам. Казалось бы, что может быть проще — описать словами картину, которая у тебя перед глазами? Всего-навсего подобрать нужные слова — простые, свежие, яркие. А я не могу.

Только сейчас ясно поняла, насколько тут мы с Алексом схожи. Пишу книги точно так же, как он пишет популярные статьи о своем обожаемом Цен-

тре Предиктов. Обдуманно, выверенно, логично... и при этом — бездушно и хладнокровно. Игры разума, точнее — игрушки разума, а не боль сердца.

Так в чем тут проблема? Я пишу отстраненно и равнодушно, потому что пишу о том, что меня совершенно не волнует? Или просто не могу подругому? По-настоящему! А вот об Олеге и таких, как он, смогла бы написать действительно сильную вещь?

Но наша идиллия продолжалась недолго. Резкий и громкий сигнал телефона спутниковой связи, с которым Олег никогда не расстается. Несколько коротких вопросов. Изменившееся лицо Олега, таким никогда его не видела.

— У штатных спасателей — «Код три»? Понятно, будут сидеть на месте до морковкиного заговения. Сейчас дома — в России. Вылечу через десять минут. Где по пути наш ближайший аэродром? Хабаровск? Прекрасно, там отличные ребята. Пусть готовятся, минут через сорок их подхвачу. И обязательно нужен хороший пилот мне на смену, первую тройку сам поведу. Я сказал — сам поведу! Не обсуждается. Там фиг знает что творится, а я сбросил ребят и дальше спокойно полетел, так что ли?

Потом Олег повернулся ко мне и сказал: «Собирайся. Быстро. Очень быстро».

После взлета спросила:

— А почему ты отдаешь всем команды? Ты самый главный в АСС?

— У нас нет главных. Точнее, есть всякие там менеджеры. Только они — по организационно-хозяйственной части. У спасателей нет начальников. Почти анархисты. Но с жесткой дисциплиной. Любой операцией руководит тот, кто идет первым.

— Не поняла, — решила чуть-чуть подколоть его, — ведь это же основной принцип: «Эксперименты надо проводить на наименее ценных членах экипажа».

Но у Олега чувство юмора, похоже, в этот момент отключилось напрочь.

— У нас лидером первой тройки всегда идет самый опытный. Пусть у него самого и мало шансов, но зато есть шанс у тех, кто следует за ним.

— И тебе не страшно идти первым?

— Обычно просто нет времени думать об этом. Страшнее, если в неизвестность первым шел бы кто-то другой вместо меня. Тогда, наверное, за него беспокоился. Поэтому всегда первым иду сам.

— А если бы ты перестал быть аутлайнером... и получил сейчас «Код три» от Энжи? Это тебя остановило бы? Если бы точно знал, что никакого шанса уцелеть нет?

Никогда не видела у Олега столь серьезного выражения лица. Он задумался ненадолго и ответил:

— Представь, что близкий человек попал в беду. Успеть придти на помощь некому, кроме меня. В такой ситуации ты бы задала подобный вопрос? Ты бы думала, страшно мне или нет? Или кричала: «Ты — спасатель, чего же ты медлишь?! Ведь человек в беде!».

Он снова улыбнулся и добавил:

— Поэтому хорошо, что у меня нет времени на такие размышления...

Посадка в Хабаровске. В реактивник загружается веселая компания. Шестеро мужчин. Я почему-то ожидала, что они будут напряжены, серьезные, сосредоточенны. Куда там — шутки, смех, дружеские подколки.

— Олег, что ты за хомяк? Таковую девушку скрывал. На свадьбу пригласишь?

— Ребята, увь. Это не невеста. Нам такие девушки только снится могут. И то не каждую ночь. Разрешите вам представить Анну Смоль. Известную писательницу. Она сейчас работает над новой книгой — про нас. И хотела сама посмотреть на настоящих мужчин в ходе реальной спасательной операции...

— Анна, как будет называться ваша новая книга? — вдруг спросил кто-то из них.

Вопрос поставил меня в тупик. Неожиданно для себя уверенно ответила: «Уходящие за линию горизонта».

— Здорово, прямо в точку. Ребята, классно, про нас книгу напишут.

Именно в этот момент поняла, что действительно хочу написать такую книгу. Должна ее написать. Настоящую вещь, а не пустышку, какими пробавлялась раньше.

Олег уступил место за штурвалом новому пилоту, а сам принялся проверять снаряжение, давать инструкции.

Впервые увидела еще одного Олега, совершенно незнакомого мне. Въедливого, дотошного, педанта, почти зануду. Ребята сразу стали серьезнее, собраннее, даже жестче. Олег проверил все, что только можно, чуть ли не содержимое карманов в их комбинезонах.

Пару раз видела, как Алекс отчитывает кого-то из подчиненных. С важным видом, на повышенных тонах.

Олег не повышал голос, говорил спокойно, даже с легкой улыбкой, но надо было видеть, как его слушали и согласно кивали остальные члены спасательной группы.

Когда он закончил работу и сел рядом со мной, сказала:

— Ну ты и зануда, никогда не думала. Мне казалось, все аутлайнеры — слегка пофигисты. Или даже не слегка.

Олег ответил резко и машинально, такое ощущение, что эти слова говорил уже не раз:

— Ты можешь быть полным пофигистом по жизни. Но не на спасательной операции. Тебе, может быть, наплевать на собственную жизнь — имеешь полное право. Но когда от твоих действий зависит жизнь тех, кто идет вместе с тобой. И пусть иллюзорный, но шанс на спасение у тех, к кому ты идешь на помощь, — тут уже совсем другие правила. Совсем другие...

А потом реактивник вошел в зону турбулентности.

Нас так трясло и мотало, что у меня потемнело в глазах и стало совсем плохо. Смутно помню, как Олег подошел ко мне, одетый в защитный комбинезон и в шлеме с поднятым прозрачным забралом.

Кажется, он сказал: «До встречи, милая». И посмотрел так, словно в возможность этой встречи не очень-то и верит.

Сразу после приземления на моем ю-фоне появилась Энжи. «Код один — срочное сообщение новостной службы КМД». И сердце почему-то замерло...

При выполнении несанкционированной Центром Предиктов спасательной операции в районе природного бедствия на одном из островов Тихого океана разбились трое аутлайнеров из АСС. Ведущий первой группы в последний момент успел передать необходимые рекомендации для спуска резервной команды. Спасательная операция продолжается...

В глазах потемнело. Издалека донесся голос Энжи: «Код два. Вызываю скорую медицинскую помощь».

Олега нашли случайно. С точки зрения Центра Предиктов — прогноз нулевой вероятности. При падении, в момент первого удара о скалу, сработал аварийный радиомаячок. Всего один принятый в АСС сигнал.

Но его искали трое суток. На поиски вылетели практически все аутлайнеры. И организовано, в рамках операций АСС, и сами по себе.

Ира и Феликс. Им я должна быть благодарна. Молодая супружеская пара. Точнее — новобрачные, вместо свадьбы вылетели на поиски. Оба — аутлайнеры. Заранее зафрахтовали маленький винтолет для свадебного путешествия.

Парашютов у них не было. Он — профессиональный пилот, а она не умела управлять винтолетом. Феликс смог на несколько секунд сбросить скорость почти до нуля... а Ира прыгнула с двадцатиметровой высоты в океан. Наверное, ей повезло. И Олегу тоже. Она сумела вынырнуть после прыжка...

Когда меня попросили дать отзыв на книгу Анны Смоль «Уходящие за линию горизонта», решил деликатно отказаться. Незнакомое имя, а тратить время на сомнительного автора не хочется. Потом кто-то сказал, что Анна написала две или три книжки: фэнтези на уровне «чуть выше школьного». Тогда решил отказаться уже не очень деликатно.

Но меня попросил еще один человек, которому слишком многим обязан. Начал читать — и не пожалел. Никакого отношения к фэнтези — резкая, сильная, правдивая вещь. Чувствуется женская рука, но, наверное, именно женщина и должна писать о настоящих мужчинах. Глубоко, прочувствованно и вместе с тем без излишней категоричности выводов.

Для большинства из нас «аутлайнер» — асоциальный тип, отказывающийся идти в ногу со време-

нем. Сам тоже всегда к ним относился. Но книга Анны Смоль заставила меня посмотреть на них под другим углом.

Героями «Уходящих за линию горизонта» являются сотрудники Альтернативной Службы Спасения. Люди, которые совершенно сознательно сделали свой выбор — рисковать жизнью ради спасения других в совершенно безнадежных ситуациях.

Зачем тогда им Энжи со своими предиктами? Для них в любой спасательной операции — прогноз тяжелый, как говорят медики. Иными словами, только призрачные шансы. Но они спокойно уходят в пугающую нас неизвестность. Ведь кроме них никто на это не решится.

Мы слишком привыкли к предсказуемой спокойной жизни. Мы не хотим рисковать. А ведь бывают ситуации, когда кто-то должен! И кроме них — больше никому.

Анна Смоль старается избежать однозначных выводов. Она просто рассказывает историю, как ее видит. А читатель вправе решать — кем ему представляются эти люди. Они — бездумные любители ставить на кон свою жизнь? Или они — настоящие герои?

Одним словом — прочтите эту книгу. Она того стоит.

Социальный критик Гарри Тигунофф.

Я — слабый человек. Не хватало сил в этом честно признаться. Да и стыдно слегка. Но вот такая, не переделаешь. Слабость и нерешительность у меня в крови. Нет от этого лекарства, никакая таблетка не сможет сделать тебя внутренне сильнее, чем есть.

Вот Олег — совсем другой. Решительный, волевой. А главное, он — настоящий. Выбрал для себя не самый простой путь в жизни и спокойно идет вперед, никогда не сворачивая на дорожку полегче.

Мне это не по силам. В больнице, пока его собирали по частям, ни о чем не могла думать. Лишь бы не умер, лишь бы вернулся к жизни. Только эти слова и твердила. Мысленно, вслух, во сне... И вдруг задумалась. Смогу ли снова пережить такой кошмар? Ведь на операционном столе он уже в который раз. И если выживет — то и не в последний. Это его путь, смысл существования.

Смогу ли я смириться с таким образом жизни? Вечно жить в страхе, что сейчас опять раздастся сигнал телефона спутниковой связи с АСС. И сердце будет рваться напополам, когда он вылетает на очередную спасательную операцию. Нет, мне это не по силам. Нет, не подходит Олегу такая Анн-жи...

Никто не подскажет мне правильное решение. Никакой Центр Предиктов не поможет. Только мне решать — кем быть или не быть. Когда медсестра сообщила, что Олег пришел в сознание — приняла единственно правильное решение и за себя и за него...

Уже два месяца живу одна в маленьком домике на берегу океана. Каждый день долго брожу вдоль линии прибоя, смотрю — как волны накатывают на песок. Не отвечаю на звонки. Алекс звонил много раз. Олег — ни разу.

Купила по дешевке старое авто с ручным управлением. Раз в неделю езжу за продуктами на маленький рынок в соседнем городишке. На всякий случай всегда надеваю платок и большие темные очки. Пусть лучше все думают, что я — девушка Джеймса Бонда, чем видят во мне назойливую, как муха, Энжи. И по несколько часов в день тупо смотрю на экран ноута, где на чистой страничке пока есть только название моей будущей книги:

«Уходящие за линию горизонта»

Мы идем с Олегом по цветущему лугу. Он обнимает меня, потом подхватывает на руки. Несет меня к нашему любимому дому... старому дому на краю леса. Отражение солнца в его зеленых глазах...

— Олег, ты простишь меня за то, что тогда испугалась и ушла? — спрашиваю у него. — Ведь иногда надо что-то потерять, чтобы понять: что ты потерял.

Олег смотрит мне в глаза... задумывается на пару минут. Какая долгая пауза! Затем отвечает, но каким-то странным голосом. Ужасно знакомым женским голосом.

— Код два, код два, код два... — бубнит он.

— Олег, что с тобой?! — кричу ему. И тут уже просыпаюсь от голоса Энжи.

— Код два, код два, кода два, — как заведенная повторяет она. В комнате предрассветный полумрак, навскидку — часа четыре утра. Такое впервые. Энжи никогда еще не будила меня, этого вообще не должно быть, но она все повторяет и повторяет, — код два, код два... Прослушайте срочное сообщение, прослушайте срочное сообщение...

— Давай мессагу, дура, — огрызаюсь спросонья.

Сообщение новостной службы CNT:

Из-за непредсказанного тайфуна в Карибском море потерпел аварию небольшой VIP-джет. Примерно час назад с ним пропала связь, и он исчез с экранов радаров. Пропавший VIP-джет принадлежит Корпорации Мирового Добра. По нашим данным, кроме пилота на борту находился руководитель Центра Предиктов КМД Алекс Вейбер.

В связи с тем, что ураган продолжает бушевать, вылет спасательных команд задерживается из-за действующего «Кода три».

Хотя связи с джетом нет, но временами регистрируется сигнал SOS его аварийного радиомаяка.

Все подробности — в нашем следующем выпуске.

Просьпаюсь окончательно. Алекс — разбился?! Не может быть! С ним ничего не может случиться. Никогда.

Ни при каких обстоятельствах. Он же все всегда знает наперед. Это какая-то ошибка! Пусть он мне — почти чужой, хотя официально до сих пор муж. Но какая разница — человек в беде!

Входящий звонок. Не хочу ни с кем разговаривать, но кнопка отмены вызова не срабатывает.

— Вы должны ответить на звонок, — бесстрастно говорит Энжи и принимает вызов.

На экране появляется лицо человека, которого знает весь мир. Мне звонит сам Джей Абрамс, президент и владелец КМД.

— Анна, нет никаких причин для волнения. Ситуация полностью под контролем. Несколько спасательных групп готовы к вылету. Как только будет снят «Код три»...

— Какой «Код три»? Там же сигнал SOS! Возможно, Алекс еще жив.

— Мы понимаем ваше волнение. Но не стоит переживать. Повторяю, все под контролем. Как только ураган чуть утихнет и «Код три» будет снят...

Тыкаю пальцем на клавишу «Отбой». Тут же появляется Энжи:

— Код два. Разговор с мистером Абрамсом нельзя прерывать, повторное соединение...

— Код три, — говорю ей, — заглохни на десять минут, дура. Не до тебя сейчас!

— Команда по Коду три принята, — отвечает Энжи и исчезает с экрана.

И тогда вызываю номер, который еще остался в папке «Удаленные» моего ю-фона.

Он ответил не сразу. Потом принял вызов, сказал: «Подожди две минуты, говорю по спутниковому каналу». Наверное, он плохо прижал к себе ю-фон. Весь разговор я прекрасно расслышала:

— Мне нужно пять человек. Будут две тройки — основная и резервная. Вылет через час. Никого из молодых и семейных, понял? Только те, кому терять особо нечего. Как и мне. И предупреди каждого — это дохлый номер. Чтобы никаких иллюзий вообще. Прыгаем из реактивника, с нескольких километров... и в полную задницу. Если первая тройка — всмятку, пойдет вторая. Сам поведу первую, это не обсуждается. Да в полном порядке, давно уже все срослось. Вчера гипсы сняли. Какие парашюты? Там же гребаный ураган. Готовь турборанцы. И можно сразу некрологи для прессы. Да шучу я так, шучу. Все, нет времени, выезжаю...

Потом он ответил мне:

— Извини. Не надо ничего говорить — я в курсе. Но ты же понимаешь — там «Код три» на неопределенный срок. Никаких шансов. Туда вылетать — только людей гробить. У меня самого еще с прошлого раза не все косточки срослись. Так что, извини, спасательной операции не будет. И не звони больше — хорошо? В следующий раз просто тебе не отвечу. Пока...

Когда мчалась к аэродрому, нарушила все существующие правила дорожного движения...

*По просочившимся в Сеть сведениям, при съемке блокбастера «Уходящие за линию горизонта» по одноименной книге Анны Смоль кинокомпания «4D Pictures» практически не использовала компьютерную графику. Почти все невероятные трюки были сняты при участии группы добровольцев — сотрудников Альтернативной Службы Спасения. **УС***